

1. О правах ребенка : конвенция ООН от 20 ноября 1989 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.juvenilejustice.ru/documents/d/world/konvpravreb> (дата обращения: 28.03.2013).

2. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон РФ от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://graph-kremlin.consultant.ru/page.aspx?1646176> (дата обращения: 28.03.2013).

3. Роджерс К. Путь бытия / пер. с англ. А. В. Смирнова. Екатеринбург, 1994.

4. Вильгельм А. М. Коммуникативная культура учителя как субъекта педагогической деятельности // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 2 (75). С. 16–23.

5. Вильгельм А. М., Глотова Г. А. Сравнительный анализ представлений педагогов о коммуникативной культуре учителя // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 3, Общественные науки. 2012. № 2 (103). С. 117–126.

6. Методы социальной психологии : учеб. пособие для вузов / Н. С. Минаева, Д. В. Пивоваров, Э. Л. Боднар и др. ; под общ. ред. Н. С. Минаевой. М., 2007. 351 с.

М. Н. Дудина

Детство в современном хронотопе

Ключевое понятие психологии и педагогики — *ребенок* (греч. *paides*) — охватывает современные представления о нем как человеке от рождения до 18 лет. Это в широком смысле детство, включающее в себя отрочество и юность, которые ответственны за всю последующую жизнь человека любого пола, возраста и социального статуса. В эти годы происходят интенсивное становление и развитие личности, приобретение жизненного опыта, аккумулирующего результаты присвоения индивидом социальных норм и ценностей в стихийных и специально организованных условиях обучения и воспитания в определенном хронотопе. Так, в конкретном пространстве-времени

развивается личность ребенка во взаимодействии со сверстниками и взрослыми.

Используя понятие *хронотоп* (греч. *chronos* — «время», *topos* — «место»), подчеркиваем континуум, целостность и неразделенность времени и пространства в философском, естественнонаучном и социально-гуманитарном знании, в психологии и педагогике. При этом исходим из утверждения М. М. Бахтина о том, что «вступление и сферу смыслов совершается только через ворота хронотопа» [1, 406]. Подчеркивая, что воспитание подрастающих поколений как процесс общения и деятельности детей и взрослых, акцентируем внимание на необходимости анализа определенного пространства-времени, которое накладывает отпечаток на единство ценностей и смыслов обучения и воспитания, их целей, содержания и методов, на материальный и духовный потенциал, реализуемый стихийно и целенаправленно. Полагаем, что использование понятия «хронотоп» в психологии, педагогике и образовании продуктивно для осмысления методологического, теоретического и методического потенциала происходящих социокультурных трансформаций, неуклонно ведущих к кризисным явлениям, связанным с разрушением целостности и полноты жизни, традиций и появлением инноваций, иногда имеющих деструктивные источники для развития личности ребенка и взрослого, возможной личностной и социальной деградации.

Входя в «ворота хронотопа», в пространство-время, в котором протекает современное детство, мы используем диахронно-синхронный метод, сочетающий исторический генезис — прошлое — «через века и страны» — и настоящее — «здесь и сейчас», т. е. единство истории и современности, их взаимодополнение и взаимодействие.

Методологическим основанием нашего анализа будут положения культурно-исторической теории личности Л. С. Выготского, описавшего историю развития высших психических функций, интериоризацию как механизм развития в онтогенезе (1960). В анализе современного хронотопа акцентируем внимание на том, что человек — существо социальное, его высшие психические функции «строятся первоначально как внешние формы поведения и опираются на внешний знак» [2, т. 2, 71] и в дальнейшем превращаются в индивидуально-психологическую внутреннюю форму, сохраняя единую структуру психических процессов. В теории и практике необходимо

руководствоваться идеей психолога о том, что развитие исторического, надприродного происходит в результате «окультуривания», овладения ребенком общественно-историческим опытом и собственным поведением. Согласно Выготскому, общий генетический закон культурного развития состоит в том, что «...всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва — социальном, потом — психологическом, сперва между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка как категория интрапсихическая» [2, Т. 3, 145]. Так встает вопрос о психологическом механизме «врастания» ребенка в культуру и цивилизацию своего хронотопа. Долгое время в психологии считали «процесс развития поведения ребенка простым, в то время как на деле он оказывается сложным» [Там же, 24]. Для преодоления «заблуждений, ложных истолкований и ошибочной постановки проблемы развития высших психических функций» Выготский взял на себя задачу «распутать сложный узел». Решение проблемы состояло в понимании развития ребенка как единого процесса, но двупланового — естественного и культурного — в единстве и взаимопроникновении в определенной культурно-исторической среде, где «культурное развитие приобретает совершенно своеобразный и ни с чем не сравнимый характер, поскольку оно совершается одновременно и слитно с органическим созреванием, поскольку носителем его является растущий, изменяющийся, созревающий организм ребенка. Развитие речи ребенка может служить хорошим примером такого слияния двух планов развития — натурального и культурного» [Там же, 31–32].

Для компетентной поддержки ребенка в его развитии важно положение Выготского, что «все высшие функции сложились не в биологии, не в истории чистого филогенеза, а сам механизм, лежащий в основе высших психических функций, есть слепок с социального», что «все высшие психические функции суть интериоризованные отношения социального порядка, основа социальной структуры личности. Их состав, генетическая структура, способ действия — одним словом, вся их природа социальна; даже превращаясь в психические процессы, она остается квазисоциальной. Человек и наедине с собой сохраняет функции общения» [Там же, 146]. Значит, отдавая должное социальной среде, необходимо видеть причину развития в самой личности, она причина себя.

Эти положения открыли проблемное поле психолого-педагогического исследования, в котором надо, во-первых, анализировать сущность происходящих социокультурных, цивилизационных изменений, и, во-вторых, то, как они интериоризируются конкретным ребенком, становятся социальной и личностной его структурой. Вновь последуем Выготскому, определившему две группы явлений: «Это, во-первых, процессы овладения внешними средствами культурного развития и мышления — языком, письмом, счетом, рисованием; а, во-вторых, процессы развития специальных высших психических функций, не отграниченных и не определенных сколько-нибудь точно и называемых в традиционной психологии произвольным вниманием, логической памятью, образованием понятий и т. д. Те и другие, взятые вместе, и образуют то, что мы условно называем процессом развития высших форм поведения ребенка» [Там же, 24]. Важно, что методология, теория и практика касаются каждого ребенка, включая трудности его развития, связанные с дефектами. Именно «сплетение двух различных по существу генетических процессов», их конкретное своеобразие на каждой ступени возрастного развития определило научное понимание сущности, цели, процесса и результатов обучения и воспитания ребенка на всех стадиях его становления как личности. Тогда очевидно, что благоприятный переход от интерпсихической к интрапсихической функции осуществляется в отношениях *сотрудничества с другими детьми и взрослыми*. Это и есть неповторимая *социальная ситуация развития* каждого ребенка, которая может быть благоприятной и трудной для него. Названные положения поставили вопрос о характере дидактического сотрудничества, что в терминологии Выготского означает зоны «актуального и ближайшего развития». Именно «зона ближайшего развития имеет более непосредственное значение для динамики интеллектуального развития и успешности обучения, чем актуальный уровень их развития» [Там же, 247]. Оптимистический вывод психолога — *педагогика должна ориентироваться не на вчерашний, а на завтрашний день детского развития* — нацеливает методики и практику обучения на поиск адекватных форм, методов, способов обучения и оценивания его результатов («методика должна соответствовать природе изучаемого объекта»). Отсюда гуманистический пафос — нет трудных детей, есть трудная ситуация их развития.

Оглядываясь назад, скажем, что в научных, тем более в житейских многовековых, имеющихся у всех народов представлениях, достойного отношения к детству не было. Ребенок — не взрослый, это чистая доска, и надо успеть на ней написать то, что считали необходимым воспитатели, родители и учителя, часто действовавшие от имени правителей. Подтвердим это результатами исследования психолога XX в. Ллойда Демозы (Lloyd Demause), выделившего шесть типов отношения к детству, которые пронизывают историческое пространство-время и сохраняются до настоящего времени; разница состоит в масштабности распространения того или иного типа. Погружаясь в глубины истории, психолог надеялся на очищение, возможно, покаяние для обретения оптимизма. Он писал: «...психогенная эволюция с неодинаковой скоростью протекает в разных генеалогических линиях... многие родители как будто “застряли” на более раннем этапе... даже в наши дни есть люди, которые бьют, убивают и насиловуют детей». И в то же время: «Шесть последовательных этапов показывают постепенное сближение ребенка и родителя по мере того, как поколение за поколением родители медленно преодолевают свои тревоги и начинают развивать способность распознавать и удовлетворять потребности ребенка» [3, 83].

Сказанное конкретизируем некоторыми характеристиками стилей.

Стиль детоубийства (Античность до IV в. н. э.): родители «боялись, что ребенка будет трудно воспитать или прокормить, они обычно убивали его, и это оказывало огромное влияние на выживших детей».

Оставляющий стиль (*abandoning*) (IV–XIII вв. н. э.) Родители признавали в ребенке душу и отправляли либо к кормилице, в монастырь, в заведение для маленьких детей, в дом другого знатного рода в качестве слуги или заложника, либо навсегда в чужую семью, или «окружали строгой эмоциональной холодностью дома».

Амбивалентный стиль (XIV–XVII вв.): ребенку «было позволено влиться в эмоциональную жизнь родителей», «задачей родителей было “отлить” его в форму», «выковать» (мягкий воск, глина, гипс, которым надо придать форму). Двойственное отношение к детям нашло отражение в появлении в XIV в. руководств по воспитанию детей. Распространился культ Марии и младенца Иисуса, стал популярным образ заботливой матери.

Навязчивый стиль (XVII в.): родители старались сблизиться с ребенком, чтобы обрести власть над ним, контролировать внутреннее состояние, потребности, волю. Нянчила мать, ребенок не подвергался пеленанию, иногда били, но не систематически.

Социализирующий стиль (XIX — сер. XX в.): воспитание заключается не столько в овладении волей ребенка, сколько в тренировке, наставлении на правильный путь. Его учат приспосабливаться, социализируют. Социализирующая модель широко распространена до сих пор.

Помогающий стиль (с середины XX в.): допущение мысли, что «ребенок лучше, чем родитель, знает свои потребности на каждой стадии развития». Ребенку помогают оба родителя, они понимают и удовлетворяют его растущие потребности. Нет попыток дисциплинировать, формировать «черты», но разбираться в причинах эмоциональных конфликтов, создавать условия для развития интересов, уметь спокойно относиться к периодам регресса в развитии. Дети, воспитанные в «помогающем» стиле, вырастают добрые, искренние, не подверженные депрессиям, с сильной волей, которые никогда не делают «как все» и «не склоняются перед авторитетом» [См. об этом: 3, 83–86].

Анализируя предложенную классификацию, можно утверждать, что в разных хронотопах понимание сущности детства, его смысла и назначения принципиально оставалось неизменным: ребенок — еще не человек, и главная задача воспитания — готовить к жизни (так до сих пор пишут в учебниках по педагогике и психологии, социологии и культурологии, при этом забывают гендерный аспект воспитания). Так детство, лишённое самоценности, не востребовало личностный потенциал и собственный опыт жизни ребенка. В подобном случае теперь мы говорим о нарушении его прав, так как данные природой задатки не реализуются. Поэтому главным результатом психолого-педагогического генезиса можно считать гуманизацию, признание самоценности детства, прав, свободы и достоинства ребенка.

Только отход от многовековой традиции подавления личности растущего человека, предоставление ему прав и свободы оправданы, так как с антропологической точки зрения человек — «незавершенный проект», призванный «доставать», «доделывать» себя сам в сотрудничестве со сверстниками, родителями и педагогами.

Характеризуя современный хронотоп, скажем о его огромном развивающем потенциале для детей и взрослых, непредсказуемых ранее возможностей для полноценного физического, психического, социального, духовного и нравственного развития. В современной среде масса реалий, свидетельствующих о *развитом детстве*. Прежде всего это насыщенность информационного пространства, высокий уровень образованности взрослых, включая родителей, обилие развивающих игрушек, книг, доступность многим детям парков самых разнообразных развлечений, мультфильмов, аудиовизуальных средств, наличие центров развития от раннего дошкольного возраста, где ребенок слышит музыку, в игровых методах учится читать и считать, хорошо говорить на русском и иностранном языке, узнает о растениях и животных, о странах и людях, поет и танцует, рисует, лепит, приобщается к физической культуре и даже к философии [См.: 4]. И если это своевременно, если благоприятны способы и средства для возрастного развития, тогда поступление в школу желательно, в ней ребенок легко адаптируется, имеет ситуацию успеха. Если в дошкольном, затем в начальном школьном обучении с ним сотрудничают психолого-педагогически компетентные воспитатели и учителя, владеющие адекватными методиками развития в обучении (а не поучают, наставляют и наказывают за незнание и неумение), то возможно предотвращение ошибок, выделенных психологом Э. Эриксоном [См.: 5, 133–138]. В восьми стадиях его возрастной периодизации, пронизанной идеей идентичности личности, это четвертая, связанная с начальным школьным обучением в 6–11 лет. В это время проявляются способности к обучению, возникают первые обязанности, востребуется дисциплинированность. Обучаясь, ребенок пронизывается чувствами благодарности к учителю. Школа вводит его в особый мир — там свои цели и задачи, успехи и неудачи, победы и поражения, радость и огорчение. В дошкольном возрасте познание в основном происходило в игре, в овладении миром вещей, предметами быта и игрушками, в начальной школе игра остается развивающим дидактическим средством, но начинает уступать место целенаправленным учебным действиям. Школьный возраст делает огромный вклад в процесс социализации и идентификации личности ребенка, если последнему не навредят некомпетентные учителя и родители, допустив, согласно Эриксону, следующие ошибки. Первая — *отсутствие*

веры в себя. «Развитие чувства неполноценности, переживания, что из тебя никогда ничего хорошего не выйдет, — вот та опасность, которая может быть сведена к минимуму педагогом, знающим, как подчеркнуть то, что ребенок может сделать, и способным распознать психиатрическую проблему», — пишет психолог [5, 136]. Вторая — пробуждающееся у ребенка чувство идентичности фиксируется на исполнительстве, подражании (чему подчас радуются учителя, призывая ребенка: «Делай, как я!»). Третья связана с тем, что школьные годы не приводят к получению удовольствия от учебного труда, не позволяют испытать гордость за что-то хорошо сделанное самим, своими руками.

Эту возрастную стадию вслед за Фрейдом Эриксон называет латентной, когда «спят» человеческие потребности, которые будут востребованы в результате полового созревания. А пока это «затишье перед бурей пубертата», они оживут, но по-новому. Возможно, это дает основание Эриксону назвать данную стадию решающей, потому что задачей систематического обучения является достижение ребенком необходимых знаний и умений, позволяющих расширять собственную компетентность. Она является базой для последующего участия в продуктивной взрослой жизни. За этой стадией — пятая, ключевая (у Эриксона тинейджеры — возраст 11–20 лет), когда особенно четко проявятся неуравновешенность, колебания между позитивной и спутанной идентичностью. Их истоки психолог видит в преемственности с предшествующими стадиями, что ведет к трансформации былых новообразований и возникновению качественно новых: доверие; произвольность, свобода желания; свободное проявление себя — от прошлого к отрочеству и юности.

В данном контексте подчеркнем роль среды — ее богатство или бедность — духовную и материальную, неминуемо преломляемую личностью в новообразованиях, которые возникли в детстве, когда складываются очертания выбора пути будущего развития и базы того, в каком направлении пойдет это развитие, как будет использован личностный потенциал для дальнейшего роста. Периодизация Эриксона раскрывает жизненный цикл как эпигенез идентичности. Рождение человека открывает возможности его благоприятного развития путем приобщения к культуре. Психолог писал о том, как важно отчетливо понимать, «что в последовательности приобретения

наиболее значимого личностного опыта *здоровый ребенок, получивший определенное воспитание, будет подчиняться внутренним законам, которые задают порядок развертывания потенциальностей для взаимодействия с теми людьми, которые заботятся о нем, несут за него ответственность, и теми социальными институтами, которые его ждут...* Следовательно, можно сказать, что личность развивается в соответствии с этапами, продетерминированными в готовности человеческого организма побуждаться расширяющимся кругом значимых индивидов и социальных институтов, осознавать их и взаимодействовать с ними» [5, 102] (курсив мой. — М. Д.).

Но в современном хронотопе динамично нарастают источники ранней деградации. Этому содействуют быстро меняющиеся факторы рассогласования человека с природой и социумом (рано начинающиеся алкоголизация, наркотизация, сексуализация, бесконтрольное потребление лекарств, нездоровый образ жизни, вербальная и невербальная агрессия, негативное влияние СМИ, рекламы, «принудительное потребление» артефактов, стремительное распространение неизлечимых болезней, СПИДа). Нарастают показатели нейротизма и агрессии в обществе, в семье, в школе, на улице и дома. Все труднее воспитывать девочку и мальчика в нестабильной системе ценностей, касающихся представлений о мире, своей стране, своей семье, о родителях и учителях, старших и младших.

Форсированный переход «мира взрослых» из прошлого к будущему непредсказуемым образом сказывается на «мире детей», их социальном, физическом и психическом состоянии и подчас обобщается тотальным нездоровьем девочек и мальчиков, девушек и юношей. Четко представляя взаимосвязь в человеке любого возраста и пола социального, психического и физического, труднодостижимую их гармонию, мы все же остановимся на социальном аспекте, сегодня ярко проявляющемся в социальном инфантилизме. Скорее всего, безвозвратно прошли те времена, когда «мужичок с ноготок» с гордостью говорил: «В семье мужиков-то всего только двое — отец мой да я», или 14-летние подростки на Воробьевых Горах «ввиду всей Москвы присягали» верою и правдою служить Отечеству, пожертвовать жизнью ради его благополучия (современные школьники вряд ли узнают в них Герцена и Огарева). А тему «Дети и подростки, девочки и мальчики в революции, Гражданской войне, коллективизации,

индустриализации и особенно в годы Великой Отечественной войны» и трогать не стоит, на ее фоне особенно очевидна стремительная инфантилизация современного подрастающего поколения, молодежи. Трудно осмыслить социальную динамику за столь короткий исторический срок, и все же она реальна. Разрушение традиционных стереотипов и ролей, включая гендерные, резкое изменение ценностных ориентаций все же сохраняло приоритет семьи — рождение и воспитание детей. Современное подрастающее поколение сосредоточено на потреблении, особенно удовольствий. Они деформируют личность, дезориентируют в мировоззрении и системе ценностей как критериях зрелой личности. Иллюзия о том, что «все придет само с годами», подпитывает эту ситуацию социального инфантилизма. В нашей стране она усиливается ментальностью патерналистского характера, когда «я» заменено на «мы», когда люди веками жили надеждой на царя-батюшку, или на «вождя народов», или на «партию — нашего рулевого», а теперь все больше на собственных родителей, когда самость подавляется с самого раннего детства, и «я-концепция» не получает развития и поддержки.

Мощным источником социального инфантилизма является субкультура детства, отрочества и юности. Как образование внутри базовой культуры, однако, связанной в данном случае с определенным возрастом, она проявляется в целом в резко негативном отношении к традиционным взглядам, нормам и ценностям. Внешне это, как правило, эпатажность в поведении и речи, своя символика, музыка, за которыми прочитывается стремление сразу заявить о себе через девизантность. Некоторым ошибочно кажется, что это всего-навсего «детские болезни», которые пройдут бесследно.

В современном хронотопе динамично меняется не только природная и социальная среда, но и сам человек, его реальные и потенциальные возможности, потребности, мотивы, способность и готовность жить в информационно-коммуникационном пространстве, в котором все большее место занимает виртуальный мир, социальные сети, воздействующие помимо воли на сознание и поведение. Нахождение в поликультурном пространстве мира, в ситуациях постоянного выбора, свободного доступа к Интернету, аудио- и видеосредствам разрушает ментальные традиционные связи, отдаляет от реальности и ее проблем, или они видятся в искаженных представлениях о мире

и себе в нем. Привыкая к жестокости на экране, с детских лет ребенок не приобретает нравственные ориентиры, стремится к материальному потреблению и неосознанно видит смысл жизни в обогащении любой ценой. Для психического здоровья эта ситуация губительна. По данным ООН, в современном мире насчитывается 450 млн людей с нарушенным психическим и физическим развитием. Число их на Земле, согласно подсчетам Всемирной организации здравоохранения, достигает 13 % [См.: 6]. Даже если в их числе не учтены дети, то для воспитания это немаловажный факт: среди этих процентов немало родителей, воспитателей и учителей, значит, дети общаются с нездоровыми людьми.

Не пройдем мимо такой информации. В печати анонсируется перевод книги «Педагогика 21-го века» Дрейвса и Коутса, которые предсказывают нарастание трудностей к 2030 г. и советуют, что делать сейчас. Отметим беспокойство авторов по поводу увеличения количества детей с аутизмом, с симптомами Аспергера. Речь идет о трудностях невербальной коммуникации, установления и сохранения дружеских отношений, об отсутствии интереса к познанию, опыту и другим людям, о сниженной способности к двусторонней социальной и эмоциональной коммуникации. Подобные трудности детей будут нарастать по мере того, как пространство и время реальной жизни все больше будет сокращаться под напором виртуальной.

Сказанное делает очевидной неэффективность педагогической парадигмы, имеющей в основе авторитарную, императивную, ассимилятивную модель, требующей пересмотра традиционных форм обучения и воспитания, содержания образования, его технологий и критериев эффективности. Анализ тенденций глобализации, демократизации, гуманизации, стандартизации качества образования требует переосмысления формулы «цель и средства», определения новых целей и задач образования, ориентированных на образование в свободе и для свободы, образования, создающего условия для развития творческой личности с опытом креативного мышления, самостоятельного поиска знаний для создания нового собственными усилиями. Процесс овладения общекультурными и профессиональными компетенциями как цель и результат высшего образования должен начинаться в детстве в ориентации на ближайшие и будущие задачи. И это несмотря на то, что человечество будет находиться в условиях

неопределенности самой жизни, но не ее фундаментальных ценностей с этическими понятиями добра и зла.

В современном хронотопе, характеризуемом состоянием глобального кризиса в различных проявлениях — экологии, политики, экономики, — все же экзистенциально-антропологический кризис, глубинно связанный с кризисом нравственности, опосредованно и непосредственно касается детства. Никогда ранее в истории человечества так агрессивно не навязывался идеал потребления материальных благ и человеческих отношений, когда тебе обязаны все — правительство, семья, школа, а ты — никому. Индустрия развлечений рано развращает неокрепшую детскую душу девочки и мальчика искаженными представлениями о свободе, когда все разрешено, а если нет — захвати.

И все же если посмотреть на эту картину с профессиональной точки зрения, мы увидим психолого-педагогическую проблему воспитания подрастающего человека в ситуации, о которой могли только мечтать выдающиеся мыслители прошлого. Она связана с увеличивающейся свободой, демократией, плюрализмом, но и с нарастающей ответственностью человека за жизнь, «обреченного на свободу» и на тотальную ответственность за умение в ней жить. Ответственность как качество личности свидетельствует о процессе взросления уже в детстве, тем более в отрочестве и юности. Однако инфантильным быть проще, незрелость более естественна человеку и свидетельствует о слабости личностного конструкта. Стремление получать и не отдавать, жить в свое удовольствие и иметь все «здесь и сейчас», нарастающие претензии и желания, не соответствующие возрасту и социальному статусу, — все это проявления инфантилизма, затянувшегося процесса взросления, в котором, однако, самой личности принадлежит решающая роль. А с годами она требует напряжения воли, которая порождается созидательными целями и свидетельствует о понимании трудностей жизни, желании и умении их преодолевать, испытывая при этом чувство удовлетворения от того, что смог, преодолел, достиг сам.

Значит, речь идет о других ценностях; они подвержены изменениям, особенно при смене эпох, но интериоризируются личностью с раннего детства. Именно оно в значительной мере ответственно за их становление, как и за их деформацию. И если речь идет о современном

детстве, то оно имеет богатый потенциал для аксиологической ориентации растущего человека, но и множество источников разрушения физического, психического и социального здоровья ребенка, провоцирующих раннюю деградацию личности. Например, интенсивная «диснеизация» субкультуры современного детства и отрочества, обрушившаяся на российского ребенка через СМИ. Возможности разностороннего и полноценного развития на основе информационно-коммуникационных источников познания, интерактивного включения ребенка в игровую, творческую, состязательную деятельность перекрываются массированным негативным воздействием на интеллект, чувства, речь, отношения между людьми — взрослыми и детьми, девочками и мальчиками, мужчинами и женщинами. Разноплановые информационные потоки спонтанно, но больше целенаправленно конструируют «мир детства» через медиакультуру, игрушки, книги, язык, одежду, комиксы, украшения, прически, косметику. Это уже «недетский» мир, в нем интенсивно насаждаются новые стереотипы поведения. Можно конкретнее остановиться на распространившейся во всем мире атаке на девочек-подростков, субкультуре в аббревиатуре WITCH, составленной из начальных букв имен маленьких героинь — «ведьм». С виду это девочки, но, согласно жанру «фэнтези», — ведьмы, и их приключения протекают одновременно в двух мирах — реальном и вымышленном. Они используют средства магии, чтобы «добиться своих целей и приятно провести время». Любая современная девочка-подросток, зайдя на соответствующий сайт, читает, что они — кумиры миллионов ее сверстниц. Это «веселые и стильные девчонки» — Вилл, Ирма, Тарани, Корнелия, Хай Лиин — и с ними можно познакомиться. Только на первый взгляд они покажутся обычными школьницами, на самом же деле они могущественные чародейки, повелительницы четырех стихий. Можно стать одной из них, у них есть чему поучиться — модным танцам (хастл, сальса или макарена), созданию своей линии одежды, дизайну, познанию своего гороскопа, счастливого цвета, или научиться ухаживать за растениями, вести магический дневник. «Тебя ждет чародейское испытание — тест на знание сериала и любимых героинь, и ты получишь комплект подарочного издания — набор наклеек с Чародейками, стильные таблички на дверную ручку и блеск для губ». Этот «товар» можно купить. Здесь же на сайте рекламируется как самый продаваемый сериал «Ранетки»,

где Полина Зеленова расскажет о том, как стала топ-моделью, ее путь настоящей звезды можно повторить, узнав закулисные секреты высокой моды. Или фильм «Папины дочки», где так много хлопот и проблем, и ты можешь принять участие в их решении.

Вот так «ненавязчиво» все-таки навязываются, прививаются ценности современного детства, резко смещаясь в сторону «взрослого мира». Комиксы, книги, интерактивные игры, мультисериалы, ежемесячный журнал «Чародейки» (выходит в Финляндии на русском языке), интернет-сайт — так ведется массированная атака на подсознательное в личности подростка-девочки, утверждающая свою систему ценностей. Подобные факты свидетельствуют о затянувшемся кризисе идентичности личности. Он проявляется в неспособности брать на себя решение личных и социальных вопросов взрослого человека, однако «играющего» во взрослого, «заигравшегося», от чего «взрослости» не добавляется. Так происходит деформация ценностей личности, которые присваиваются субъектом. Не достигая качественного состояния зрелости, подростки, девушки и юноши ищут и обязательно находят систему психологических защит, помогающих снять конфликтность, напряженность психики. И все больше отдаляются от возможности увидеть и понять проблемы собственной жизни, мобилизовать силы и волю, чтобы преодолеть себя. В инфантильных формах поведения жить проще. И это на фоне усиливающегося кризиса семьи, сужения ее влияния, потери родительского авторитета. Все драматичнее, а порой трагичнее проявляются педагогическая слабость семьи, некомпетентность в вопросах воспитания, наконец, безответственное родительство, рост числа беспризорных детей, приобщающихся к алкоголю, наркотикам, совершающих хулиганские поступки, участвующих в разбоях, изнасилованиях.

Кризис в воспитании, свойственный современному хронотопу, требует исследовать научный потенциал педагогической психологии, ее ответственность за реально протекающий образовательный процесс и его результаты. Незаработанность многих проблем в педагогической психологии привела к исполнению вместо опережающей функции «догоняющую». Надеемся, что решение названных проблем возможно на путях освоения демократического гуманистического идеала, реализации положений международного и российского законодательства о необходимой защите прав, свободы и достоинства

ребенка в условиях свободы на основе использования методологии и теории науки, а также жизненной практики научного психолого-педагогического сообщества. В заключение подчеркнем, что *человек есть путь*, который успешно осуществляется в условиях свободы, тогда он может ответственно решать, кто он есть в своем существовании среди людей.

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Выготский Л. С. Собр. соч. : в 6 т. М., 1983.
3. Демоз Л. (LloyddeMause). Психоистория. Ростов н/Д, 2000.
4. Дудина М. Н. Философская пропедевтика, или Философии все возрасты покорны. Екатеринбург, 2000.
5. Эриксон Э. Идентичность личности: юность и кризис. М., 1996.
6. Фельдштейн Д. И. Доклад на общем собрании РАО «Проблемы психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI века» [Электронный ресурс]. URL: <http://raop.ru/index.php> (дата обращения: 01.04.2013).
7. Бойко М. А. «W.I.T.C.H» как феномен диснеизации субкультуры детства // Философское мировоззрение и картина мира : Четвертые Лойфмановские чтения : матер. Всерос. науч. конф. : в 2 т. Екатеринбург, 17–18 декабря 2009 г. Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 12–14.

И. А. Ершова, Т. И. Писарева

Исследование склонности к употреблению психоактивных веществ у студентов различных образовательных учреждений

Исследования, посвященные изучению причин и факторов формирования аддиктивного поведения, широко представлены в современной научной литературе. Установлено, что в подростковом и юношеском возрасте чаще всего происходит приобщение к употреблению